

Цой Марина Климентьевна
Преподаватель, УзГУМЯ, г.Ташкент

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЛОВОГО ЯЗЫКА В ПЕРИОД МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация: Статья посвящена изучению деловой письменности периода становления Московского государства. Особое внимание уделяется языковым особенностям официально-деловых документов, которые отражают взаимодействие книжно-славянского и великорусского языков. Анализируются речевые элементы московской деловой письменности, включая заимствования из разговорной речи, профессиональную лексику, административную терминологию и юридические термины.

Ключевые слова: Московское государство, деловая письменность, великорусский язык, книжно-славянский язык, официально-деловые документы, административная терминология, юридическая лексика.

Письменность времени сложения Московского государства представлена произведениями, которые написаны на славянизированном (книжно-славянском, церковно-книжном) языке и на языке великорусском.

Значительный интерес представляют произведения, созданные на базе великорусского языка, и, в первую очередь, официальные документы Московского делопроизводства. Язык деловой письменности Москвы как столицы Русского государства выступает как система традиционных средств письменного общения, опирающаяся на богатство лексики и грамматических форм разговорной речи великорусского народа. Следовательно, великорусская речь в это время выступает в качестве живительного источника, питающего язык деловой письменности и преобразующего его в качественно иной по сравнению с языком деловой письменности Киевской Руси [2].

В деловой письменности Московского государства фиксируются речевые особенности русского населения. Так, официально-деловые документы московской дислокации отражают особенности живой общерусской речи коренного населения Москвы как столицы – центра Русского государства, мастеров-оружейников, служащих государственных учреждений (приказов), ремесленников, торговцев, обслуживающих царский двор и боярство, а также служителей высшей церковной иерархии, значительной категории пришло-постоянного населения, так называемых жильцов – провинциальных дворян, несших военную службу при государе и вынужденных переходить на постоянное жительство в Москву. Кроме того, в письменности Москвы встречались речевые средства, свойственные говору периферийного населения, которое так или иначе пополняло и видоизменяло состав коренных жителей Москвы.

Деловая письменность Московского государства представлена официально-деловыми документами (это челобитные – прошения разного рода: о явке в суд, об освобождении от повинностей, об оказании помощи, о правах на жилые строения и земельные угодья, о бесчестии и т.п.; грамоты духовные, купчие, охранные; докончания – мирные договоры, судебники – своды законов и т.п.) и частной перепиской: письма, личные записи, сказки – устные и письменные свидетельства, поручные записи и т.п [1].

Вместе с ростом централизации и укреплением московской государственности расширяется сфера официально-канцелярской деятельности. Деловая письменность охватывает сферу административной службы, область судопроизводства и торгово-хозяйственной жизни.

На русском языке создаются своды законов (уложения), составляются руководства по различным видам хозяйственной деятельности, осуществляется государственная и местная (боярско-вотчинная, монастырская) переписка. Из канцелярий Москвы и других городов Московской Руси исходят грамоты самого различного содержания: правые (документы,

подтверждающие права на то, что предопределялось решением по поводу судебной тяжбы), холопы правые (документы, содержащие решение суда по иску о холопстве – о зависимом, несвободном положении жителей), беглые (документы, содержащие решение суда о возвращении владельцу принадлежащих ему холопов – беглых крестьян, ремесленников, слуг), срочные (официальные документы, посредством которых заинтересованные лица уведомлялись о сроках, времени явки в суд), отписные срочные (документы, подтверждающие изменение срока явки в суд), приставные (документы, подтверждающие право должностного лица на принятие соответствующих мер во исполнение судебного решения), полетные (документы, содержащие условия уплаты долга, как бы ликвидации задолженности в установленные сроки – по «летам»), душевные или духовные (завещания разного рода) и др [2].

Официально-деловая письменность создавалась грамотными людьми, которые придерживались традиционных приемов оформления соответствующих документов, но вместе с тем эти люди не могли не вносить в язык создаваемых документов элементы своей обиходной речи, которая изменялась по мере роста и расширения общерусских (великорусских) тенденций.

Размах делопроизводства в канцеляриях Московского государства способствовал развитию особого рода профессионального мастерства дьяков и подъячих (писцы, делопроизводители). Слово дьяк, обозначавшее в древней Руси церковнослужителя (дьякон, причетник), с XIV в. выступает в роли наименования должностного лица государственного учреждения (письмоводитель) [3, с. 27].

Язык деловых документов – русский; судебники 1497 г., 1555 г., 1598 г.), грамоты (купчие, дарственные, меновые, рядные, вкладные и проч.) и даже указы московских князей созданы на этом языке.

Сферу деловой жизни обслуживали русские люди, речь которых была великорусской, но по роду своей деятельности они придерживались традиций делового письма, имевшего распространение в культурных центрах Московской Руси в те времена, когда земли этого северо-восточного края являлись составной частью Киевского государства.

Московский деловой письменный язык подвергается обработке в деятельности московских государственных канцелярий. В частных актах он еще теснее сближается с великорусской, точнее – среднерусской народно-диалектной базой деловой речи [1]. Тут постепенно формируются грамматические (прежде всего, морфологические) и орфографические нормы литературного языка на народной основе.

В языке деловой письменности употребляются древнерусские слова (*боярин, наймит, послух, прибыток, продажа, татьба, тиун, тивун* и др.) и вместе с тем слова, свойственные разговорной речи писцов – носителей языка великорусской народности: *государь, деньги, мельница, обыск* (следствие), *ответчик* (обвиняемый посуду), *обыщик* (следователь), *правезж* (взыскание с ответчика по суду), *пешеходец* (безлошадный крестьянин), *переведенец* (переселенный), *челом бить* [2, с. 311].

Древнерусские слова в письменности Московской Руси обретают новые значения: *заповедь* – штраф за нарушение запрета (др. рус. завет, наставление), *присуд* – судебная пошлина (др. русск. единица административного деления – округ).

С течением времени складывается устойчивая система языка деловой письменности, совмещающая элементы традиционной древнерусской литературности и особенности языка великорусской народности. «В московских приказах тоже постепенно, лишь с XV-XVI вв., по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм языка деловой письменности» [4, с. 29].

Унификация административной терминологии свидетельствовала о нормализации не только языка деловой письменности, но и об отражении стабилизирующих тенденций в сфере устного общения времени становления общей речи русских людей той поры. «В самом деле: невозможно думать, что такие слова и выражения, как, например, *бобыль, казак, холоп,*

пристав, послух, дети боярские, деловые люди, служилые люди, стрелецкий голова, указ, кабала, явка, сказка, челобитная, грамота, оброк, правож, писцовая книга, десятня, допросные речи, съезжая изба, ставить с очей на очи, приложить руку и многие другие, употреблялись в основном в приказах и были малоупотребительны или вовсе неупотребительны в широких кругах населения» [3, с. 44].

В юридических документах сохраняются древнерусские термины: *бой* (побой), *грабеж*, *воля* (право, возможность, выбирать), *земля* (угодье), *двор* (усадебя), *люди добрые* (те, которые пользуются доверием), *пристав* (судебный исполнитель), *послух* (свидетель), *поручник* (поручитель) и вместе с тем появляются новые слова и словосочетания, реализующие понятия великорусского права: *зажигальщик* (поджигатель), *положить у креста* (возвратить на суде то, что требует истец) [4].

Итак, великорусская речь стала основой языка деловой письменности Московского государства, обогащая его лексическими и грамматическими особенностями. Это способствовало переходу от традиций Киевской Руси к качественно новому языковому стандарту, отражавшему живую народную речь и общерусские тенденции.

В деловой письменности Московского государства сформировалась система административной терминологии и фразеологии, отражающая централизацию и стабилизацию государственного устройства. Этот процесс включал использование как древнерусских слов с новыми значениями, так и новых терминов, связанных с развитием права, ремесел и торговли.

Язык деловых документов отражал разнообразие речевых особенностей населения Москвы, включая коренное и пришлое население. Проникновение разговорной речи в официальные тексты демонстрирует взаимодействие народной и книжной традиций, что способствовало становлению литературных норм языка.

Список литературы:

1. Войлова, К. А. История русского литературного языка: учебник для СПО / К. А. Войлова, В. В. Леденёва. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 499 с.
2. Ковалевская Е.Г. Избранное. 1963–1999 / Под ред. д-ра филол. Наук проф. К.Э. Штайн. – СПб. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. – 687 с.
3. Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. – М., 1974. – 359 с.
4. Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси. – В кн.: Начальный этап формирования русского национального языка. – Л., 1961. – 256 с.

